



Казим, кажимот, веденье: о локальных мифонимах с «перетекающими» мотивировками*

© 2025 г. Е.Л. Березович

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург, Российская Федерация)

berezovich@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются три мифонима, которые представлены в говорах севера и востока Костромской области, — *казим*, *кажимот*, *ве(и)денье*. Эти слова впервые вводятся в лингвистический оборот, поскольку они не зафиксированы основными диалектными словарями русского языка и записаны преимущественно в полевых условиях. Мифонимы имеют перекликающиеся наборы признаков, что помогает осуществить семантико-мотивационную реконструкцию лексем и этимологизацию «темного» слова *казим*. В основе мифонима *веденье* лежит календарный признак (персонаж наказывает за недостаточное количество напряденного к *Веденью*, 4 декабря по н. ст.); в слове *кажимот* отражена формула *Кажимоты*, призванная контролировать объем напряденного; лексема *казим* образована от глагола *казить* ‘чудиться, казаться; портить; шалить’ и реализует скорее всего перцептивный признак «кажмости» персонажа, который лежит и в основе народноэтимологической реинтерпретации слова *веденье*.

Ключевые слова: русская диалектная лексикология, мифонимия, этнолингвистика, семантическая реконструкция, этимология.

Ссылка для цитирования: Березович Е.Л. Казим, кажимот, веденье: о локальных мифонимах с «перетекающими» мотивировками // Славяноведение. 2025. № 2. С. 99–110. DOI: 10.31857/S0869544X25020093, EDN: IYIMRS

Kazim (казим), *Kazhimot* (кажимот), *Vedenye* (веденье): On Local Mythonyms with ‘Flowing’ Motivations

© 2025. Elena L. Berezovich

Ural Federal University named after the First President
of Russia B.N. Yeltsin
Ekaterinburg, Russian Federation

berezovich@yandex.ru

* Автор выражает сердечную благодарность И.С. Слепцовой (Кызласовой) за предоставленные архивные материалы, а также Т.А. Агапкиной — за консультации при подготовке статьи.

Abstract. The article deals with three mythonyms that are represented in Russian dialects of the north and east of the Kostroma region – *казим*, *кажимот*, *ве(и)денье* [*kazim*, *kazhimot*, *ve(i)dénye*]. These words are introduced into the linguistic turnover for the first time, as they are not recorded in the main dialect dictionaries of the Russian language and were recorded mainly in the field. Mythonyms have overlapping sets of features, which helps to carry out semantic-motivational reconstruction of lexemes and etymologisation of the ‘dark’ word *казим*. The mythonym *ведение* is based on the calendar sign (the character punishes for insufficient amount of spun out yarn by Vvedeniye, 4.XII); the word *кажимот* reflects the formula *Кажимоты* [*Kazhi moty* – show the skeins of yarn], designed to control the volume of spun out yarn; the lexeme *казим* is formed from the verb *казить* ‘to wonder, to seem; to spoil; to mischief’ and realises most likely the perceptual sign of the character’s ‘seeming’, which is also the basis of the folk-etymological reinterpretation of the word *виденье*.

Keywords: Russian dialect lexicology, mythonymy, ethnolinguistics, semantic reconstruction, etymology.

For citation: Elena L. Berezovich. *Kazim* (казим), *Kazhimot* (кажимот), *Vedenye* (ведение): on Local Mythonyms with ‘Flowing’ Motivations // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2025. No. 2. P. 99–110. DOI: 10.31857/S0869544X25020093, EDN: IYIMRS

Речь пойдет о трех мифонимах, которые представлены в говорах севера и востока Костромской области, – *казим*, *кажимот*, *ве(и)денье*. Эти слова имеют не только лингвогеографическую общность, но и смысловую: их соединяют признаки, своеобразно «перетекающие» из семантики одного слова к другому. Это волновое движение состоит в том, что тот признак, который для первого мифонима является центральным и мотивирующим, становится периферийным в смысловом пространстве второго мифонима, «передающего», в свою очередь, один из своих признаков третьему мифониму, а он оказывается чем-то связанным и с первым. Иначе говоря, за анализируемыми словами стоит общий комплекс признаков, которые различным образом актуализируются в смысловом пространстве каждой лексемы. Названное обстоятельство имеет значение для верификации внутренней формы слов, ведь мифонимия и вообще лексика народной мифопоэтической традиции нередко имеет **нелинейную**, неодновалентную **мотивацию**; в случае с темным (и наиболее интересным лингвистически в этой тройке) словом *казим* эти семантико-мотивационные выкладки необходимы для этимологизации. Изучаемые лексемы не отмечены в основных диалектных словарях русского языка; большая часть информации о них извлечена из неопубликованных источников – полевых картотек Топографической экспедиции (далее – ТЭ) Уральского университета, а также архива замечательного этнографа – И.С. Слепцовой (Кызласовой).

Ве(и)денье. Начнем с вариантных форм *ведение* (без уд.) и *виденье*, отмеченных сотрудниками ТЭ, соответственно, в Вохомском и Межевском районах Костромской области: *ведение* ‘мифологический персонаж, наказывающий, по поверьям, нерадивых прях’: «Всё мне бабушка Наталья говорила: “Пряди-пряди, мот до Веденья не напрядёшь, тебя *ведение* в трубу проташит”»; *виденье* ‘мифологический персонаж, которым пугали детей, слишком долго не ложившихся спать’: «Пугали: “Ну-ко, спи, *виденье* придёт, уташит тебя!”» *Виденье* зимой. Свету-то не было, темень, вот и тени страшные такие были! Нас и пугали, что это виденье: всё в белом, руки длинные, детей хватает. Ой, мы боялись»¹. Единственная форма, найденная нами в лингвистических и фоль-

¹ ЛКТЭ.

клорных источниках, которую можно поставить в этот ряд, — вят. *введеница* (без уд.): «Если к этому дню <Введенъев день, 4 декабря> не напрядешь мот, придёт *введеница* (или домовой), замотает волосы в мотовку и утащит в печную трубу»²; слово записано относительно недалеко от Вохомского района — в Лузском районе соседней Кировской области.

По степени ясности мотивационно-словообразовательных связей мифонимы встают в последовательную триаду: *веденье* — *введеница* — *виденье*. Слово *веденье* представляет собой прозрачный результат деонимизации хрононима *Веденье*³, народной формы названия двенадцатого праздника православной церкви — *Введения во храм Пресвятой Богородицы* (4.XII по нов. ст.). Как и другие богородичные праздники, *Веденье* связано с женскими работами, в том числе прядением. Поскольку пряли преимущественно в холодное время года, когда нельзя было заниматься земледелием, символический контроль за процессом прядения логично было осуществлять во время этого праздника, «вводившего» календарный год в зиму⁴.

То обстоятельство, что «авторитетным лицом», контролирующим прядение, становится персонификация праздника (календарного времени), вполне типологично. Так, близкая «женская» дата — *Варвара* (День великомученицы Варвары, 17.XII) — тоже связывается с прядением и персонифицируется, ср. моск. *Варвэрка* ‘женский персонаж, который является, если прясть лен или шерсть в дни, когда это запрещено’: «Если прясть на Святки, так Варварка придёт»⁵. Аналогично образуется персонаж по имени *бабка Коляда*: волог. «Девочки и даже мальчики, которых с малых лет сажали за пряжу, должны были напрядь свою норму. Их пугают “бабкой Колядой”, которую боятся, так как знают, что придет срок и безменом надо смерить вес напряденного» [Тулцева 2001, 38]. Известны у славян и персонификации дней недели, с которыми связаны запреты на прядение. Среди них особенно выделяются *Пятница* (*Параскева Пятница*) и *Неделя* ‘воскресенье’⁶. В текстах, где фигурируют такие имена, персонаж чаще всего проверяет количество напряденного и следит за соблюдением запрета на прядение в определенный день⁷; в более редких случаях персонаж демонстрирует последствия нарушения запрета (скажем, в болгарских и македонских балладах св. Неделя оказывается истыканной веретенами и т.п. [Седакова 2008]).

Вернемся к русскому диалектному материалу, который изучается в этой статье. Вторая форма в рассматриваемой триаде — *введеница* — содержит результат не только семантической, но и словообразовательной деривации от *Веденье*; тем самым несколько укрепляется «персонажность», которая у мифонима *веденье* совсем призрачна.

«Настоящий» призрак обозначен словом *виденье*, которое примечательно тем, что имеет **двойную мотивацию**: первичная — отхрононимная (как у

² ВФ, 19. Из сборника «Вятский фольклор» слово перенесено (с соответствующей отсылкой) в «Областной словарь вятских говоров», но ему присвоена несколько некорректная дефиниция — «мифологический персонаж домовый» (ОСВГ, 96): внутренняя форма, как будет показано далее, указывает, что перед нами персонификация календарной даты, а не домового.

³ С многочисленными вариантами, см. (РНК, 70–72).

⁴ О символике этого дня в славянской и собственно русской традиции см.: (Толстая 1995; РНК, 70–72).

⁵ РНК, 61.

⁶ См., например: (Максимов 1903, 512–514; Левкиевская, Толстая 2004; Седакова 2008; Народная демонология Полесья 2016, 605).

⁷ Среди таких дней и *Веденье*: так, в Полесье в этот день нельзя не только прясть, но и смотреть на веретено, ср.: «На Вэдэне ховалы вэртёны, коб нэ бачылы. Кажуть, гадына будэ кусать тэбэ» (Толстая 2005b, 45).

предыдущих двух слов), а вторичная сформировалась в результате народноэтимологического притяжения к глаголу *видеть(ся)*, давшим совпадение с литер. *виденье*. У этого притяжения очень сильная внеязыковая поддержка: во-первых, мифологические персонажи всегда имеют особую «видимость» и нередко осмысляются именно как «привидения»; во-вторых, освещение крестьянского жилья и окрестностей было очень слабым (особенно в зимнее время), что провоцировало персонификацию теней, ср., к примеру, селигер. *сумерка* ‘мифологический персонаж, которым пугали детей’: «В догонялки до вечера бегали, пока не стемняет, так мама шуткой скажет: “Домой, а то сумерка в попу залезет”. Мы боялись: сумерка — что-то тёмное, страшное. Я и внуку сейчас скажу: “Смотри, сумерка в попу залезет”»⁸. В ряд с мифонимом *виденье* < *видеть(ся)* встают и другие названия, имеющие сходные мотивировки, например: арх. *блázнушка*, влг. *блázнушко*, арх. *блázнюшко* ‘мифическое существо, пугающее людей’: «Этта у болоте чёрт, а у доме усё блазнюшком пугали», «Бывало, идёшь лесом и будто кто за спиной — ой, блазнушко привиделось», «Блазнюшко побежит, побежит, белой весь, борода белая», ср. также влг. *блázно* ‘привидение’: «Блазно в темноте покажется, страшно» (< *блázнить(ся)* ‘казаться, чудиться’)⁹, костр. *манíлка*: «Если сидишь дома, а тебе кажется, что кто-то скребётся или стучит, так это манилка тебя манит. Детям ещё говорили, пугали их: “Манилка тебя утащит”», *манíла* ‘ряженный’: «Манилы пугались, наредятся бегают» (< *манíть* ‘казаться, чудиться’)¹⁰. Если в этих случаях имеют место отношения прямой производности названий мифических существ от глаголов с семантикой ‘казаться, чудиться’, то есть примеры слов, где указанные значения входят в смысловой комплекс, выделяемый на праславянском уровне, ср. вят. *мáра* ‘мифологический женский персонаж, который появляется в белой рубашке’: «Привиделась, наверно, мара, чё-то белое в сенках мелькнуло», «Мара может привидеться в поле»¹¹, калуж. «Вообще надо сказать, что привидения женского рода не отличаются добродушием и всегда стараются вредить людям: Мара вынимает спорость из работы у тех, кто не крестит свою работу на ночь. Ее видят в лунные ночи за самопрялкой или за шитьем: страшная, растрепанная, сидит и гремит самопрялкой, как погремит, так и будешь целый день одну куделю прясть; пошьет — одну рубашку в неделю не сошьешь, все будешь перешивать, да перепарывать»¹²; *мóра* твер. ‘по народным поверьям — фантастическое существо женского рода, которое ночью при свете луны прядет недопряденную женщиной пряжу’, сарат. ‘привидение’¹³; реконструкция смысловых связей представлена в [Белетич, Лома 2013].

Кажимóт. Слово отмечено в Мантуровском районе Костромской области и имеет значение ‘придуманый старшими образ ряженого, пугала для устрашения и побуждения девочек-пряильщиц’: «Ковда мы были молоденькия, нас шыбко заставляли прясь. Мать цясто говорила мне: “Пряди пушшэ! Смотри, *кажымоты* придут, штё показывать-то будёшь?” А если со дни на гору убежим катацца на салазках, нарядицца баба *кажымотом*: выворотит полошубок,

⁸ Селигер 7, 240.

⁹ СГРС 1, 118.

¹⁰ ЛКТЭ; разумеется, примеры есть и в инославянских традициях, ср. бел. минск. *зданкі* ‘мифические существа, привидения в виде какой-то неясной фигуры, человека, животного, неодушевленного предмета, тени, огня, — единственная функция которых испугать людей’ (< *здавацца* ‘казаться, мерещиться’); варианты их названий: *прывіды, пужакі, страхі* (ТМКБ 2011, 493).

¹¹ ОСВГ, 476.

¹² РКЖБН/3, 123.

¹³ СРНГ 18, 254.

обмотает куделей голову, возьмёт в руки мотовило и бежит на гору гнать нас за пряжу. “Эй, вы! *Кажы моты!*” — кричит. Мы испугаемся и бежим сломя голову домой. Дома повисим тальку на переборку, сидим, ждём *кажимота*», «Мне мамка говорила: “Если к Рождеству не нарядёшь, придёт *кажымот*, полумотком нахлещот”», «*Кажымотом* страшили ленивых, заставляли их усиленно прясть»¹⁴.

Указанная фиксация слова — единственная, кажется, среди словарных фиксаций. Это поучительно и досадно для профессиональных лексикографов, если учесть, что лексема не является гапаксом, отмечена, как мы увидим далее по несловарным источникам, на разных территориях, а поместил ее в словарь только краевед-любитель (пусть и такой тонкий знаток народного слова, как А.В. Громов).

Учитывая необходимость введения в лингвистический оборот данных об интересующей нас лексической единице и связанной с ней вербальной формуле, содержащихся в фольклорно-этнографических источниках, приведем их достаточно полно.

Многочисленные фиксации слова (в форме *кажимотка*) есть на Южном Урале (записи осуществлены в казачьих поселениях Челябинской области). Если костромской *кажимот* связан, как и *веденье*, с зимним (рождественским) циклом (когда подводятся, так сказать, первые итоги прядельных работ), то уральская *кажимотка* — персонаж весеннего календарного фольклора (а в это время надо уже иметь полный объем напряденного): челяб. «Как я помню, нас заставляли с 6—7 лет прясть. Напрядёшь — *кажимотка* тебя не будет бить. Страшили нас. Эти *кажимотки* бегали, догоняли нас. “Сколь напярала?” Тащишь, ей покажешь. Она похвалит. Наряжались кажимотками всегда 9 марта по-старому... Если пряжи мало, то спрашивает, почему. Скажешь, что водилась, мамке помогала. Было, и в дом *кажимотки* заходили, а так в основном им выносили пряжу, показывали»; «*Кажимотки* бегали в Жаворонки. Кто снаряжался, вывернут овечью шубу, лицо спрячут, оденут какое-нибудь рванье; с палочкой бегали, ходили. Бегали каждый год в один и тот же день. *Кажимотка* поймат кого-нибудь, спрашивает, сколь за зиму напярала. Два-три мотка — мало, а потому ввали, говорили побольше. Боялись их, во двор, бывало, забежишь»; «*Кажимотка* придет, я, грешница, залезаю на полати, я ж не умела прясть, а они справляются. Успею — покажу материн. Она похвалит, скажет: “Молодец! Дай бог здоровья, жениха хорошего”. А нет: “Да кто ж ты возьмет? Неумеха!”» и др. [Рожкова 2004, 277—278], «*Кажимотка* бегала и пугала маленьких девочек: “*Кажы моты!* Кажы, сколько напярала!”» [Филиппова 2009, 259]. Действия *кажимоток* приурочены к 22.ІІІ (по н.ст.) — Дню сорока мучеников Севастийских (одно из народных названий — челяб. *Жаворонки*), который во многих русских локальных календарных традициях был днем встречи весны.

В ряде случаев источники фиксируют формулу *кажи моты*¹⁵ (вкладываемую в уста того, кто контролирует прядение), но не называют персонажа *кажимот* (*кажимотка*). Для нас особо важны такие записи из Костромской области («В Введенской в., Чухл. у. (д. Рыково) пекут жаворонков со словами: «*Кажы моты, кажи моты*». Это значит, что с окончанием зимы пряжа должна

¹⁴ Громов, 26.

¹⁵ Ср. диал. шир. распр. *мот* ‘пряжа, смотанная на мотовило’, ‘моток пряжи, ниток’, ‘моток определенной величины как мера пряжи’ (СРНГ 18, 294—295).

подвести итоги своей работы»¹⁶); есть подобная традиция и ниже по Волге – в Татарстане («<Перед прилетом жаворонков> взрослые говорили девушкам, чтобы они не ленились, а пряли быстрее: “Давай, давай, пряди”, а то жаворонки, как прилетят, кричат будто: “*Кажы, кажы мот, кажы, кажы мот*”. А вы, девки, скажите: “Вот мот, вот мот, вот мот”» [Агапкина 2000, 85])¹⁷. Аналогичны уральские свидетельства – из Пермского края («В Октябрьском районе время подготовки мотов связывали с прилетом первых птиц: “Птичка прилетит, кричит: *Кажы моты, кажы моты*, чтобы их повесили на мороз”»¹⁸) и из Челябинской области («Была такая присказка: *кажы моты* называлась. “*Кажы моты*, а то жаворонки жопу расклюют”. Все так говорили, прясть заставляли» [Филиппова 2009, 460]). Согласно костромским записям уже упоминавшегося А.В. Громова, формула *кажы моты* звучала и весной, и в *Прядистое Говиньё* («период интенсивного прядения: от Заговения (21.XI по н. ст.) до Рождества (7.I по н. ст.)»): «“*Кажы моты!*” С этими словами обращались к молодой пряхе, чтобы она показывала свою пряжу: В Прядистой говиньё пробегаёшь да прогуляёшь – вот и спрашивают у тебя: “*Кажы моты!*” Не покажешь пряжу али мало напярла – талькой нахлещшут»; «В Святки по домам ходили наряжонки, кричали: “*Кажы моты!*” – Провирали невест, тонкопряхи ли оне»; «Пора кросна собирать, скоро жаворонки закричат: “*Кажы моты!*”»¹⁹. О формуле *кажы моты*, о персонаже и в целом об этой фольклорно-ритуальной традиции подробнее см.: [Агапкина 2000, 85–86; Логика трансформаций, 483; Моисеева 2006, 83; Некрылова 2023, 155; Ованесян 2020, 38; Рожкова 2004, 277–278; ТПЮУ, 174; Филиппова 2009, 458–460].

Как можно заметить, контроль за прядением может осуществляться по-разному (даже от лица жаворонков), но в интересующей нас локальной традиции (северная и восточная часть Костромской области) эту функцию берет на себя мифологический персонаж, нередко изображаемый ряженым. О продуктивности этого верования и соответствующего ритуала говорит и тот факт, что, помимо *кажимотов*, в нашей зоне отмечаются и другие названия персонажей, следящих за прядением: кологр. *мотовилиха*: «У нас мотовилиха нарядиция наряжонкой и пойдёт по избам моты глядить, пугает: “Кажы моты!” Ты сидишь, дрожишь, и мотушка на руке», мантуров. *мотыга* ‘то же’²⁰. Иногда этот «функционал» передается и *казиму* – персонажу с неясным названием, о котором речь далее.

Казим. Это слово фиксируется, как нам удалось установить, только в Кологривском районе Костромской области. В записях нашей экспедиции 2024 г. отмечаются следующие значения:

- ‘мифологический персонаж, которым пугали детей’: «“Ну-ко, не балуй! Придёт казим, унесёт тебя в гобец!” Боялись этого казима»; «Вот к тебе казим придёт, будешь баловать! Казим вон за печкой сидит!»; «Приводили ко мне ребят, моих внуков. Надо спать, они не спят. Я все пугала их казимом: Вот казим придёт и бабай! Раньше-то бабая не было. Нас пугали всё казимом. Он лупил женщин, которые мало напярла. Вот когда всё напярдут, в Святки, он

¹⁶ Кितिцина 1927, 100, эта запись попала в (СРНГ 18, 295): костр. *кажы моты, кажы моты* ‘слова, которыми сопровождается выпечка жаворонков; означают, что пряха должна показать итоги зимней работы’ (1927).

¹⁷ Делегирование контролирующих прядение функций весенним птицам и похожие приговоры известны и в инославянских традициях – например, в Полесье; см. [Агапкина 2000, 85–86].

¹⁸ Черных, 277.

¹⁹ Громов, 25.

²⁰ Там же, 26.

и бывает»; «Ребёночек балуется, не спит, так пугали: “Ну-ко, ну-ко, не будешь спать, казим придёт, тебя уташшит”. А детям сикать-то ставили горшок. А которые на улицу норовили бегать. Мы их пугали, чтоб не бегали: “Смотри, казим ночью придёт и уташшит”. Казим будто на мосту ходит»; «Казимом matka пугала нас: придёт, нас уташшит. А своих детей я бабаем пугала»;

- ‘персонаж святочного ряженья, одевавшийся в «страшное» и «контролирувавший» объем напряденного’: «В Святки наряжались казимом. Баба или мужик наряжались. Казим страшный. Баба раз нарядилась: ватные штаны у ёй, кошуля на нанику, сажей измазалась, маска страшная. Казим над пряжей хозяин. Проверяет, кто сколько напярл. Мало напярла — бьет мотушкой»; «Маня Межачка казимом нарядилась раз: ой, мы испугались! Казим страшный, лохматый, черный, как не испугаться!»;

- ‘несуразно одетый, неряшливый человек’: «А если кто оделся не пойми как — тоже казим»; «Чего как казим оделась?».

В 2015 г. похожие записи на той же территории были сделаны И.С. Слепцовой: «Казимом пугали. Как на зверюшку больше, казим-то. На четырёх лапках, вот такой вот. Если будешь шалить, хулиганить, значит он накажет тебя»; «“Пряди, Варька, учись прясть-то, а то придёт казим” (ну, это как бы местная страшилка). Вот приходит казим и говорит: “Пряжу кажи”. Ну значит “покажи”. Сколько напярла. А больше про казима я нигде не слышала. Может, в этой деревне, именно в Ложкове, вот такое было»²¹; «Меня пугали казимом. Это сколько напярли, вот это я не знаю когда, проверяют. Женшина одна наряжалась казимом, пришла старшная-страшная, я зарывкала, под кровать залезала. А мамка говорит: “Мань, перестань! Надён, ты не бойся, ты не бойся”. Я зарывкала. “Што ты девку, говорит, пугаэш! Это не казим, это, говорит, тётка Маня Межачка тут, говорит, пришла нарядилась. Не настоящий это казим”. Я испугалась сильно. Казим ходит проверяет. Эсли плохо напярла или чево, дак берёт мотушку и хлещет тожо. Мотушкой хлещет хозяйку, што мало напярла. [И как одевался этот Казим?] Ну, ватные штаны были, вот это я помню, што штаны, шапка страшная, кафтан там разорванной весь, истрёпанной, это лицо всё намазано сажой. То усы приделают из кудели. В каждый дом казим ходив. В каждый дом ходив, проверяв хозяйков, сколько напярла. Пугав. Ну, придёт казим проверять, он не ребятишек — ребятишки-то боялись — он ходив проверять хозяёк, много ли напярли они, лодыри или нет»²².

Казим известен только жителям Кологривского района, причем его центральной части (деревни Ивтино, Суховерхово, Баринцево, Починок, Тодино, Ложково, Екимцево).

Какую **этимологию** можно предложить для этого слова?

Представляется, перед нами образование от глагола *казить(ся)*, который является полисемичным (а в (СРНГ) некоторые лексико-семантические варианты этого глагола подаются как синхронные омонимы). Спектр релевантных для нашего случая значений таков: *казить* олон., новг. ‘виднеться’, олон. ‘иметь вид, казаться’: «С виду казит нова (вещь), а между тым ена стара е»²³, устар. и обл., ворон. ‘портить, повреждать, исказить’, краснодар. ‘шалить, баловаться, вести себя буйно»²⁴, ср. также ст.-рус. *казить* ‘исказить, извращать’,

²¹ Информантка проживает в д. Суховерхово, а про казима слышала от жительницы находящейся неподалеку д. Ложково.

²² АИСС.

²³ Показательно и новг., влг. *казит* ‘кажется (вводное слово)’ (СРНГ 12, 319).

²⁴ СРНГ 12, 319–320

казитель ‘кто искажает, портит что-л.’ (XVII в.)²⁵. Это продолжения праслав. **kaziti* (*se*), о котором О.Н. Трубачев сообщает следующее: «Гл. на *-iti*, обычно характеризуемый как каузатив к **čeznoti*. Однако, строго говоря, между **čeznoti* и **kaziti* нет непосредственной соотносительности ни в формальном, ни в семантическом плане. Недаром Мейе раньше допускал, что *kaziti* — это деноминатив от именной основы *kaza*. Возводить форму **kaziti* можно только к форме с корневым гласным *o* → *ō*, т.е. к той же, что в **kazati*. С этим последним связано **kaziti* и семантически: ‘портить’ ← ‘метить в дурном смысле’»²⁶; при этом для **kazati* «исходной является семантика ‘показывать, делать знак’ (откуда вторично — ‘говорить’)»²⁷.

Довольно сложен вопрос о словообразовании. Если выделять корень *каз-*, то форму следует квалифицировать как субстантив с формантом *-им*, совпадающий с показателем причастий настоящего времени. Реконструируемые нами субъектные смыслы производного слова — «тот, кто портит», «тот, кто шалит», «тот, кто видится (внушает видения)» — противоречат, на первый взгляд, пассивной форме причастия. Однако известно, что глагольные дериваты с «пассивными» суффиксами страдательных причастий настоящего времени могут иметь «активные» значения. Этим вопросом (в связи с более широкой проблемой соотношения актантной структуры глагола и семантики отглагольных имен) специально занималась С.М. Толстая [Толстая 2005а], которая прокомментировала ситуации «необычного» поведения слов с такими суффиксами²⁸ и пришла к выводу, что они «свидетельствуют об утрате суффиксом *-им* своего исконного “страдательного” значения, и если в литературном языке это явление представлено единичными случаями, то в диалектах оно приобрело значительно более широкий масштаб» [Там же]. Нам уже приходилось заниматься диалектным словом *остродым*, имеющим пассивную форму при «активном» значении, — и в соответствующей работе [Березович 2015, 156–161] мы относительно подробно рассмотрели вопрос о словах с суффиксом *-им* в диалектном лексиконе. Среди прочих аргументов о возможности реализации суффиксом «активного» значения говорилось о наличии рядов лексических единиц, в которых представлены слова с суффиксом *-им* и их однокорневые параллели с другими «активными» суффиксами: ряз., тамб. *водѣим* = дон., орл. *водѣтай*, без указ. м. *водѣц* ‘вожак, зачинщик; руководитель какого-либо дела’; тамб. *насердѣим* ‘недоброжелатель, враг’ ≈ орл., твер. *насердник* ‘тот, кто имеет злобу, неприязнь, досаду на кого-л.’ — «Я со своим насердником помирился уж давно» (ср. смол., ср.-урал. *насердѣться* ‘много посердиться, надосадоваться’); без указ. м. *облаѣим* ‘ругатель, хулиитель’ = костр. *облаѣщик* ‘тот, кто все время ругает других’, иркут., киргиз., костр., новосиб., орл., пенз., пск., сиб., твер., тобол., тул., ульян. *облаѣй* ‘грубиян, ругатель; скандалист’ и др. Данные примеры демонстрируют и возможность субстантивированного употребления форм с причастным суффиксом, см. [Там же, 158].

²⁵ СОРЯМР XVI–XVII 9, 350.

²⁶ ЭССЯ 9, 171.

²⁷ Там же, 169.

²⁸ Как указывает С.М. Толстая, во-первых, имеет место совмещение в одной лексеме активного и пассивного значения: рус. диал. *нежалимый* ‘такой, которого не жаль; не дорогой по цене’ (пассивное значение) — ‘безжалостный’ (активное значение), *незнамый* ‘неизвестный, незнакомый’ (пассивное значение: тот, кого не знают) — ‘несведущий, неосведомленный’. Во-вторых, есть многочисленные случаи «активных» значений у дериватов с «пассивным» суффиксом *-им* (в том числе и от непереходных глаголов): *невредимый* ‘не приносящий вреда, безвредный’ (форма пассивная, значение активное), *непосидимый* ‘непоседливый’, *невсходимый* ‘невсхожий, бесплодный (о семенах и т.п.)’ и др. [Толстая 2005а, 164].

Сказанное приводит к выводу о том, что *казим* реализует весьма старую словообразовательную модель: это, по всей видимости, субстантивированная форма отглагольного прилагательного, формально совпавшего со страдательным причастием настоящего времени. Важно, что в гнезде *каз-* есть другие, более ясные в плане семантики и словообразования (несубстантивированные) формы, являющиеся аналогами форме *казим*: перм., вят., костр. *казимый* 'красивый': «Ты, девша, не гляди на оклажь-ту (внешность), не хухнай (не хули) до время-та, что хоть не казима!» (перм.); «Жених у неё казимый, повезло девке» (вят.)²⁹, костр. *казимее* нареч. 'красивее': «В долгом-то платье тебе казимее стало»³⁰, перм., свердл. *неказимо* 'неискусно'³¹, *неказимый* костр. 'некрасивый; неказистый', влг. 'плохой; неказистый': «Неказимой у неё домик-от»³², новг., олон., костр., свердл., том., арх., ср.-урал., тюмен. *несказимой* 'неописуемый, трудно выразимый словами'³³. Подчеркнем, что в этих примерах есть параллелизм *неказимый* — *неказистый*. Показательно и то, что упомянутые формы в ряде случаев имеют костромскую географию. Интересен также однокоренной субстантиват — баш. *рассказим* 'рассказчик': «Семён Андреич такой рьсказим был: то скаски, то были-небылицы, откол' брал, придёт, чё-небут' новоей роскажит», ср. также *рассказимый* 'разговорчивый'³⁴. Наконец, аналогичные словообразовательно формы представлены и в родственных языках, ср. хорв. име-на *Казим*, *Сказим*, *Наказим*³⁵.

Таким образом, мифоним *казим* является, по всей видимости, весьма старым образованием от основы *казить* с суффиксом *-им-*; спектр возможных этимологических значений — «тот, кто видится, чудится, кажется», «тот, кто портит», «тот, кто шалит». Хочется предположить, что более вероятное производящее значение «тот, кто видится»: оно архаично и наилучшим образом вписывается в систему «перетекающих» мотивировок, которая характерна для изучаемого мифонимического комплекса. Но, разумеется, мы не можем настаивать на этом предположении, пока не найдены дополнительные подтверждения; остальные два мотивирующих варианта тоже возможны.

* * *

Итак, нами рассмотрены мифонимы *веденье* (*введеница*, *виденье*), *кажимот*, *казим*, которые функционируют на относительно небольшой территории — на севере и востоке Костромской области (кроме слова *введеница*, записанного в соседней Кировской области). Представления о персонажах, названных этими словами, включают в себя обширный набор признаков, в котором есть общее ядро, состоящее из элементов, каждый из которых повторяется как минимум дважды:

- появляется в зимнее время;
- контролирует прядение;
- наказывает, внушает страх (поэтому его появлением пугают детей);
- чудится, видится (обычно в темноте);

²⁹ СРНГ 12, 319; Костров, 149; ОСВГ, 351.

³⁰ Ганцовская, 96 (приложение).

³¹ СРНГ 21, 57.

³² Там же; СВРежГ, 294.

³³ СРНГ 21, 151; СРГСУ 2, 205; СРГЮТО 2, 60.

³⁴ СРГБаш, 287.

³⁵ Об антропонимическом потенциале изучаемой основы говорит и имя *Казимир* с родственными формами, восходящее к **kaziměrs* / **kazimirs*: это сложение глагола **kaziti* и имени **mirs*, собственно, «возмутитель спокойствия, мира, смутяня» (ЭССЯ 9, 170).

- может изображаться ряжеными.

Три признака из этого комплекса становятся мотивирующими для мифонимов: признак контроля за прядением — для *кажимота*; календарный (появляется в *Веденье*, 4 декабря по н. ст.) — для слов *веденье*, *введеница*; перцептивный («чудится, видится») — для *казима* (хотя в этом случае возможна и мотивация «тот, кто портит, шалит»). При этом изучаемые слова имеют мотивационную поддержку со стороны некоторых других костромских мифонимов, ср. *мотовилиха*, *мотыга*, *манилка*, *манила*. Так обеспечивается «перетекание» мотивирующих признаков от одного мифонима к другому — и это явление помогает их интерпретации (этимологизация слова *казим*, реконструкция двойной мотивации мифонима *виденье*).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АИСС — личный архив Ирины Семеновны Слепцовой (Кызласовой).
ВФ — Вятский фольклор. Народный календарь. Котельнич, 1994.
Ганцовская Н.С. Лексика говоров Костромского акающего острова: проблемы типологии: Дис. ... д-ра филол. наук. Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2008.
Громов А.В. Словарь лексики льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже: Учебное пособие. Изд. 3-е, испр. Кострома: Инфопресс, 2012. Ярославль, 1992.
Китицына Л. Хлеб. Из материалов по народному питанию Костромского края // Труды Костромского общества по изучению местного края. Четвертый этнографический сборник. Кострома, 1927. Вып. XLI. С. 92–102.
Костров А.В. Толковый словарь «агафонского» говора бывшей Матвеевской волости Кологривского уезда Костромской губернии. Изд. 2, испр. и доп. М.: «Перо», 2020.
Левкиевская Е.Е., Толстая С.М. Параскева Пятница // Славянские древности: Этнолингв. словарь. М., 2004. Т. 3. С. 631–633.
ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. Т. 1–2; [то же:] М., 1991–1993.
Некрылова А. Русский традиционный календарь. М.; СПб.: «Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023.
Ованесян Л.Г. Календарные праздничные традиции народов Южного Урала (весенне-летний цикл): учебно-методическое пособие. Челябинск: Изд-во Южно-Урал. гос. гуман.-пед. ун-та, 2020.
ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / отв. ред. З.В. Сметанина. 2-е изд., доп. и испр. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2023.
РКЖБН — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. / Рос. этнографич. музей. Санкт-Петербург: ООО «Деловая полиграфия». Т. 3 : Калужская губерния / авт.-сост.: И.И. Шангина. 2005.
РНК — Атрошенко О.В., Кривошапова Ю.А., Осипова К.В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / науч. ред. Е.Л. Березович. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. 544 с. (Настольные словари русского языка).
СВРежГ — Словарь вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области) / науч. ред. Л.Ю. Зорина. Вологда: ВоГУ, 2017.
СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева, М.Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001—. Т. 1—.
Селигер — Селигер: Материалы по русской диалектологии: словарь / под ред. А.С. Герда. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003–2020. Вып. 1–8.
СОЛЯМР XVI–XVII — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков / Санкт-Петербургский гос. ун-т, Межкаф. словарный каб. им. проф. Б.А. Ларина, Российская акад. наук, Ин-т лингвистических исслед. ; [С.Н. Варина и др.]; под ред. О.С. Мжельской. Санкт-Петербург: Наука, 2004—.
СРГБаш — Словарь русских говоров Башкирии: А–Я / под ред. З.П. Здобновой. Уфа: Гилем, 2008.

- СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 т. / под ред. А.К. Матвеева. Свердловск: Среднеуральское книжное изд-во; Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.
- СРГЮТО – Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области / под ред. С.М. Беляковой. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2014. В 2 т.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–22); Ф.П. Сороколетов (вып. 23–42); С.А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.
- ТМКБ 2011 – Традиционная мастацкая культура беларусаў: У 6 т. Т. 5. Цэнтральная Беларусь. У 2 кн. Кн. 2. / А.М. Боганева [і інш.]; пад агул. рэд. Т.Б. Варфаламеевай. Мінск, 2011.
- Толстая С.М. Введение // Славянские древности: Этнолингв. словарь. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. 1. С. 294.
- Толстая С.М. Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005b.
- Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX – середины XX в. Ч. II. Зима. Пермь: Изд-во «Пушка», 2007.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева, Ж.Ж. Варбот. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапкина Т.А. Этнографические связи календарных песен. Встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян. М.: Индрик, 2000. 336 с.
- Белетич М., Лома А. Сон, смерть, судьба (наблюдения над праслав. **mora*, **mara*) // Slavica Svetlanica. Язык и картина мира: К юбилею С.М. Толстой. М.: Индрик, 2013. С. 56–75.
- Березович Е.Л. *Поймать остродыма*: об одной лексической загадке русских народных говоров // Русский язык в научном освещении. 2015. № 1 (29). С. 151–170.
- Логика трансформаций: региональная и локальная специфика культурных и языковых процессов / отв. ред. И.А. Морозов, И.С. Слепцова; Авторы: И.А. Морозов, И.С. Слепцова, Е.А. Самодолова, П.С. Куприянов, Е.Г. Чеснокова. М.: Индрик, 2019.
- Моисеева С.А. Традиционный обрядовый фольклор русских горнозаводских сел Башкирии: Дис. ... канд. филол. наук / Магнитогорский гос. ун-т. Магнитогорск, 2006.
- Народная демонология Полесья: Публ. текстов в записях 80–90-х гг. XX века. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. Т. 3. Мифологизация природных явлений и человеческих состояний / сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская.
- Рождкова Т.И. Некоторые аспекты изучения традиционной культуры русских Южноуральского региона // Русский фольклор. 2004. С. 265–281.
- Седакова И.А. Страдания св. Недели в народных балладах болгар и македонцев: этнолингвистика и фольклорная поэтика // Этнолингвистика проучавања српског и других словенских језика: У част академика Светлане Толстој / ур. П. Пипер, Љ. Раденковић. Београд: САНУ, 2008. С. 375–384.
- Толстая С.М. Актантная структура глагола и семантика отглагольных имен: «субъектные» и «объектные» имена // Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т.М. Николаевой / отв. ред. В.Н. Топоров. М., 2005a. С. 162–168.
- ТПЮУ – Традиционные праздники русского населения Южного Урала (Челябинская и Оренбургская области): материалы полевых исследований / [сост. О.Г. Баранова и др.; науч. ред. И.И. Шангина]. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2012. 303 с.
- Тулъцева Л.А. Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов, обычаев и поверий рязанских крестьян. Рязань: Рязанский областной научно-методический центр народного творчества, 2001. [Рязанский этнографический вестник. № 30].
- Филиппова И.А. О некоторых мифопоэтических доминантах весеннего календаря казачьих поселений юга Челябинской области // Проблемы истории, филологии и культуры. Москва – Магнитогорск – Новосибирск, 2009. № 1 (23). С. 457–464.

Рукопись поступила в редакцию 05.12.2024

Рукопись принята к печати 08.12.2024

REFERENCES

- Agapkina T.A. *Etnograficheskiye svyazi kalendarnykh pesen. Vstrecha vesny v obriadakh i fol'klore vostochnykh slavian*. Moscow, Indrik Publ., 2000, 336 p. (In Russ.)
- Berezovich Je.L. Poimat' ostrodyma: ob odnoi leksicheskoi zagadke russkikh narodnykh govorov. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2015, no. 1 (29), pp. 151–170. (In Russ.)

- Bjeletić M., Loma A. Son, smert', sud'ba (nabliudeniia nad praslav. *mora, *mara). *Slavica Svetlanica. Iazyk i kartina mira: K iubileiu S.M. Tolstoy*. Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 56–75. (In Russ.)
- Filippova I.A. O nekotorykh mifopoeticheskikh dominantakh vesenego kalendaria kazach'jikh poselenii iuga Cheliabinskoi oblasti. *Problemy istorii, filologii i kul'tury*. Moskva – Magnitogorsk – Novosibirsk, 2009, no. 1 (23), pp. 457–464.
- Moisejeva S.A. *Traditsionnyi obriadovi fol'klor russkikh gornozavodskikh sel Bashkirii*: Dis. ... kand. filol. Nauk, Magnitogorskii gos. un-t. Magnitogorsk, 2006. (In Russ.)
- Narodnaia demonologiiia Poles'ia: Publ. tekstov v zapisiakh 80–90-kh gg. XX veka*. Moscow, Izdatel'skii Dom IASK Publ., 2016. T. 3: *Mifologizatsiia prirodnnykh iavlenii i chelovecheskikh sostoianii*, sost. L.N. Vinogradova, Je.Je. Levkijevskaia. (In Russ.)
- Logika transformatsii: regional'naia i lokal'naia spetsifika kul'turnykh i iazykovykh protsessov*, otv. red. I.A. Morozov, I.S. Sleptsova; Avtory: I.A. Morozov, I.S. Sleptsova, Je.A. Samodelova, P.S. Kuprianov, Je.G. Chesnokova. Moscow, Indrik Publ., 2019. (In Russ.)
- Rozhkova T.I. Nekotoryye aspekty izucheniia traditsionnoi kul'tury russkikh Iuzhnoural'skogo regiona. *Russkii fol'klor*, 2004, pp. 265–281. (In Russ.)
- Sedakova I.A. Stradanii sv. Nedeli v narodnykh balladakh bolgar i makedontsev: etnolingvistika i fol'klornaia poetika. *Etnolingvistička proučavanja srpskog i drugih slovenskih jezika: U čast akademika Svetlane Tolstoj*, ur. P. Piper, Lj. Radenković. Beograd, SANU Publ., 2008, pp. 375–384. (In Serb.)
- Tolstaya S.M. Aktantnaia struktura glagola i semantika otglagol'nykh imen: «sub"jektnyie» i «ob"jektnyie» imena. *Iazyk. Lichnost'. Tekst. Sbornik statei k 70-letiiu T.M. Nikolajevoi*, otv. red. V.N. Toporov. Moscow, 2005a, pp. 162–168. (In Russ.)
- TPIUU – *Traditsionnye prazdniki russkogo naseleniia Iuzhnogo Urala (Cheliabinskaia i Orenburgskaia oblasti): materialy polevykh issledovanii*, [Sost. O.G. Baranova i dr.; Nauch. red. I.I. Shangina]. Cheliabinsk, Cheliab. gos. un-t Publ., 2012, 303 p. (In Russ.)
- Tul'tseva L.A. *Riazanskii mesiatseslov. Kruglyi god prazdnikov, obriadov, obyčajev i poverii riazanskikh krest'ian*. Riazan', Riazanskii oblastnoi nauchno-metodicheskii tsentr narodnogo tvorčestva Publ., 2001. [Riazanskii etnograficheskii vestnik. № 30]. (In Russ.)

Received on 05.12.2024

Accepted on 08.12.2024

Информация об авторе:**Березович Елена Львовна**

доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН
профессор, зав. кафедрой
Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина
г. Екатеринбург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-1688-2808
E-mail: berezovich@yandex.ru

Information about the author:**Elena L. Berezovich**

DSc. (Philology), Corresponding Member of the
Russian Academy of Sciences
Professor, Head of the Department
Ural Federal University named after the first
President of Russia B.N. Yeltsin
Ekaterinburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-1688-2808
E-mail: berezovich@yandex.ru